

Вологодский приворот

Деревенская жизнь в шестидесятые годы прошлого века приносила сельским жителям не только тяжелый труд на фермах и пашне, но и обычные человеческие радость и веселье, причем для всех сразу. Это случалось, когда зимой народ собирался на игрища и посиделки, а летом на деревенские праздники, которые проходили в каждой деревне, в установленный только для неё день. На таких гуляньях молодые люди не только плясали и водили хороводы вместе с девушками, но и часто выбирали себе будущих жен. Ведь в будние дни всё деревенское население занято работой, а потому и были придуманы ещё в древние времена игрища и праздники, чтобы было, когда и где парням и девушкам пообщаться более близко, чем в обычные дни.

Вот после одного из зимних игрищ и провожал Павел молодую и бойкую односельчанку Лию. Еще летом они уходили вместе с деревенских праздников, и бабы живо шушукались: «Будет у них свадьба, или Пашка так и не посватается?»

Павел жил в большом пятистенном доме, который стоял на высоком берегу реки. Этот дом, построенный еще его дедом, был и в самом деле хорош: с двумя горницами, кухней, мезонином и разными дворовыми постройками: хлевом, дровяником, амбарами. Окна украшали резные наличники, вокруг дома был разбит палисадник, в котором росли ягодные кусты, а через ворота с навесом, что вели с улицы во двор, не то что подвода с сеном или дровами - трактор мог проехать. Рядом с домом, вдоль реки росли несколько ветвистых берез. Посажены они были дедом Павла, не только ради красоты: они не позволяли своими мощными корнями осыпаться высокому берегу.

Павел жил в этом доме с матерью, братом Юркой и сестрой Нилой. Отец их погиб на фронте, и мать долгое время не могла смириться с этим, всё надеялась, а вдруг вернется её муж. Она хоть и болела часто, но содержала большой дом в чистоте и порядке. Старшая дочь Маня была замужем и жила в своём доме, который они построили вместе с мужем Анатолием, на другом конце деревни.

Мать часто выговаривала Мане, что Павел всё не женится, а ей трудно тянуть домашние дела, управляться с огородом и ухаживать за скотом, а ведь ещё и на колхозную работу надо выходить. И Маня, как старшая сестра, подыскивала для Пашки невесту, но он сам досыта наслушавшись уговоров о женитьбе от сестры и матери решил обзавестись семьёй. Выбор его пал на давнюю деревенскую знакомую – Лию, которая, наверное, с малых лет мечтала выйти за него замуж. Да и как тут не размечтаться: Павел был парнем видным, с голубыми глазами, тёмными кудрявыми волосами, обладал дружелюбным характером и здорово играл на гармошке. Причем, когда он

разводил меха на своей тальянке, приводя в восторг всех девок и баб, то залихватски делал резкое движение головой, как бы закидывая назад свои кудри, и хотя его густые волосы ни чуть не мешали играть, этот коронный приём был неотразим.

Лия была моложе Павла, но других парней она просто не замечала. Обладательница длинной косы, она умело сплетала её в большой пучок на затылке, чтобы не мешала в работе и наоборот, заплетала в разноцветные ленты, когда шла с подружками на праздник. Лия знала все коленца кадрили и её обычно спрашивали об очерёдности в подобных плясках и танцах. Жила она с матерью в небольшом доме. Мать пробовала уговорить её, молодую девушку, после окончания восьмилетки уехать из деревни в город, но та осталась в родном доме - по досужим разговорам местных сплетниц из-за своего соколика Паши.

Лия с Павлом прошлись вдоль деревенских улиц и остановились у дома девушки. Надо было прощаться и расходиться по домам, но тут Павел, немного помявшись, проговорил:

- Лия, ну что? Сватов засылать?

- Ой, неужто правда? Я уже надеяться перестала. А с кем свататься придешь?

- Матка сказала, что дядька из города приедет. Закажем ему. Вот с ним и маткой придём.

- А Маня, сестра твоя, будет? Мы с ней хоть разного возраста, но как-то сдружились.

- Куда столько народу на сватовство? Если мы договоримся, так хватит одного свата, можно и без свахи. Тогда через неделю жди. Да я скажу, ещё, загодя.

-А можно я Маню заранее попрошу, чтобы она мне платье красивое сшила. У меня и материя приготовлена. Фасон тоже подобрала, с фатой платье будет.

- Я в эти бабские дела не лезу. Сами договоритесь. У меня своих забот хватает. Надо Анатолия уговорить, чтобы пиво сварил на свадьбу. А на сколько вёдер - матка подскажет. Много гостей соберётся, морока одна.

Когда парочка рассталась, Павел не сразу пошёл домой, стоял у реки покрытой заснеженным льдом, курил и думал:

«Не уехал в Мурманск сразу после армии, как хотел, теперь вот женись. А как по-другому? Мать часто болеет. Юрка уже большой, в армию скоро, но Нила ещё маленькая, хотя учиться старается. Если я уеду, а Юра уйдет в армию, всё хозяйство пропадет. Маме ведь даже сено не накосить, а без коровы в деревне не прожить. Лийка – девка справная, опрятная, собой хороша. Как не крути, а жениться надо. А как в Мурманск хотел...»

Почему именно в Мурманск, Павел никому не объяснял, но всегда говорил, что если поедет, то не в Вологду, не в Архангельск, а в заполярный город Мурманск.

Зимой свадьба в деревне в те годы была даже пышнее, чем летом. Зимний свадебный поезд состоял из нескольких саней и розвальней. На

каждой лошади звенел колокольчик, дуги были украшены цветными лентами, а в саях поверх сена лежали тулупы и покрывала. Каждой подводой управлял парень из друзей жениха или молодой мужик из родственников, в руках его обязательно был кнут, или, по-местному, витьень, которым наездник подгонял лошадь, а мог и огреть кого-либо из желающих остановить свадебный поезд.

Вся эта процессия начиналась от дома невесты, куда прибывал жених с гостями. Там заранее были накрыты столы. Жених с невестой сидели под образами, причем жених не мог снять с себя полушубок, сидел в нём, этим как-бы давая понять, что приехал за невестой и долго не задержится. Конечно, ему было жарко сидеть в овчинном полушубке, но таков порядок. Правда, разрешалось выходить на улицу, воздуха вдохнуть, но делать это надо осторожно, усадив рядом с невестой дружку, а иначе кто-нибудь из парней мог занять его место и потребовать выкуп.

Павел уже не раз обращался просительным взглядом к сестре Мане, мол, пора ехать кататься, а то я сопрею весь, но обычай есть обычай, и Маня показала ему рукой, что надо сначала «задарить гостей». Павел поднялся и стал доставать из карманов заблаговременно приготовленные мелкие монеты, которые стал разбрасывать по столам, словно зерно сеял. Мелочь летела во все стороны, попадая в блюда, чарки, за шиворот и на затылки гостей. Желательно что бы каждому из присутствующих досталась хотя бы одна монетка. Основные взаимные дары в виде полотенец, рубах, посуды и постельных принадлежностей дарились и принимались в доме жениха, но «задаривание» проходило в доме невесты.

Подружки невесты по обычаю, попричитали, но это только понарошку и немного, плакать никому не хотелось, а наоборот всем было весело, ведь праздник только начинался. По продолжительности деревенская свадьба могла проходить два, а то и три дня. При этом были не только пляски и тосты, но бывали и драки, правда, обходились без сильных побоев и увечий.

Павел разбросал мелочь и снова сел за стол. Вдруг сквозь детвору, теснившуюся у дверей, (всем хотелось увидеть свадьбу) пролезла Опрошка Затворница. Женщина эта, ещё не старая, жила одна, в другой деревне, которая носила непривычное название – Черная. На свадьбу Опрошку не звали, и было странно видеть её среди собравшихся людей. Она слыла ворожихой, кое - кто называл её за спиной колдуньей, но это ей не нравилось, и стоило ей погрозить пальцем, как незадачливый смельчак тут же закрывал свой рот и более никогда не смел говорить о ней что-либо плохое.

В молодости Опросинья обладала поразительной красотой, и жених у неё был под стать, но перед самой их свадьбой, ушел на охоту - хотел медвежатиной угостить народ на свадьбе, да и погиб от клыков и лап здоровенного зверя. Прошло время. Женихи со всей округи сватались к Опрошке, но она сватов даже на порог не пускала. С той поры и стали звать её Затворницей. Пошёл слух, что она может любого приворожить к кому-либо. Так это или нет, но время от времени к ней скрытно люди приходили с разными просьбами.

Чем старше становилась Опрошка, тем больше разных небылиц плели о ней. Но бывало и помогала: найти потерявшуюся корову или лошадь, сделать так что бы молодая замужняя баба, которая никак не могла забеременеть, наконец, понесла, да и другие таинственные дела водились за ней.

- Ты что, Опрошка, заблудилась? Замерзла, поди? Проходи, раз пришла, сказала хозяйка дома, мать Лии.

- Нет, за стол-то я садиться не буду. Сами знаете, незваный гость, хуже татарина. Домой иду из Захарова. Все равно ведь кататься поедите. Вот меня, может, до Черной и довезете, а то мне не дойти.

Хозяйка замялась. Ладно ли это, в свадебные сани ворожею садить?

Но тут вмешался жених:

- Сиди пока Опросинья. Увезем, когда поедем.

Через час с небольшим, родня молодых и большинство гостей расселись по саням и розвальням, и процессия тронулась. Друзья жениха заранее планировали маршрут: в какую деревню заезжать, в какую нет. По обычаю в каждой деревне свадьбу останавливали местные парни и мужики с требованием налить ведро пива. В одной из подвод свадебного поезда везли лагун с пивом, откуда и сцеживали при таких встречах хмельной напиток.

По своей деревне ехали не быстро, на улице было много ребятишек, которые провожали свадьбу, но выехав за околицу лошади помчались в мах под хохот, визг, звуки гармошек и бубенчиков.

В первой деревне, которая была на пути свадьбы, пришлось остановиться перед самым въездом в неё. Местные мужики перегородили путь жердями. Во второй деревне один смельчак прыгнул в первые сани, и по обычаю в этом случае надо было останавливаться и угощать желающих. Следующей деревней был Большой Починок. Когда свадебный поезд проезжал по деревенской улице никаких признаков того, что процессию собираются останавливать, не было видно. Но неожиданно первая лошадь с нарядными розвальнями остановилась, за ней и все следующие. Дорога была свободна, но лошади дальше не шли. Встали как вкопанные. Из ближайшего дома вышли местные мужики.

- Смотрите, получилось. Надо же!

Оказалось местный умелец, по совету стариков изготовил из смолы, скипидара, керосина и какого-то порошка «дьявольскую смесь», которой щедро окропили участок дороги. Незнакомые, ужасные для лошадиного восприятия запахи так напугали лошадей, что они остановились. После непродолжительного угощения пивом находчивых мужиков надо было ехать дальше, но лошади не шли вперед. Мужики местные, довольные результатом своей выдумки принесли лопаты и пробовали очистить дорогу от зелья, но лошади и после этого не слушались. Было уже не до смеха. Такие заминки считались дурным знаком для молодых. Выручила Опрошка Затворница. Она взяла первую лошадь под узцы и приговаривая:

- «Нечисть смрадная уйди, дай проехать и пройти. Ангел мой храни коня, молодых, гостей, меня».

Лошадь, ведомая женщиной, послушно пошла, мотая головой из стороны в сторону, а следом тронулись и другие подводы. Когда подъехали к деревне Чёрная, стало даже светлее от неба усыпанного звёздами. Опросинья поблагодарила молодых, пожелала им ладной супружеской жизни и осталась у своего дома, перекрестив три раза уезжавшую в обратный путь свадьбу. Зная, что по второму разу останавливать их никто не будет, возницы дали лошадям волю и те понеслись вскачь под одобрительные окрики сидящих в санях гостей. На одном из поворотов один из незадачливых мужиков, принявший на грудь больше нормы, кубарем вылетел из саней, но бедолагу усадили обратно и уже без приключений все целыми и невредимыми приехали к дому жениха, где молодых встречали с иконой и хлебом-солью. Свадьба продолжалась...

Прошло два с половиной года. Жизнь в деревне шла своим чередом. Юрка отслужил в армии и вернулся на побывку в деревню, повидаться с родными.

- Поеду в Заполярье, - говорил он землякам.

Маня родила третьего ребенка. Нила перешла в восьмой класс. Мать их умерла, и её хоронили на деревенском кладбище всей деревней.

Павел с Лией на первый взгляд жили обычной сельской семьёй, оба работали в колхозе. Правда, детей у них пока не было, что снова дало повод для пересудов деревенским бабам.

По приезду брата Павел сначала обрадовался, а затем как-то сник. Брату он откровенно завидовал, тот, необремененный семьёй, мог уехать в любую сторону, например, в большой город и начать там новую, совсем не деревенскую жизнь. Особой теплоты в их отношениях с женой не было, но и ссорились они не часто. Жили себе и жили, работая в колхозе и управляясь с домашним хозяйством.

Нила заметно подросла и как-то вечером, за ужином, сказала им:

- Закончу восемь классов и уеду. Если к тому времени Юра устроится в Мурманске, то к нему поеду, а если у него другие планы, то просто уеду.

Такой расклад Павла не устраивал. Ведь он женился ради матери и сестры Нилены, а теперь выходит, и зря.

Днём от горьких мыслей отвлекала работа, но вечерами, он всё чаще сидел на берегу родной реки, думал о чём-то и домой шёл только после настойчивых окриков жены:

- Хватит сидеть-то сиднем. Пора вечерять и спать ложиться. Завтра столько работы.

Но и сама Лия всё чаще грустила и задумывалась. Она чувствовала, что муж её Паша так и не привязался к ней, не смотря на все её старания.

- Вот тебе и «стерпится, слюбится», - жаловалась она Мане. – Не тут-то было. Он как бы и не обижает меня, но чую, не мила я ему. Не любит он меня.

- Да, Лийка, надо что-то делать. Не дай бог, уедет с Юркой или погодя, вслед за ним. Ой, горе-то какое.

Через несколько минут доверительного женского разговора, Маня встрепенулась:

- Слушай, а сходи ты на Чёрную, к бабе этой, Опроше Затворнице. Ведь она и на свадьбе у вас была. Я даже знаю, что тебе надо с собой взять: мёд и бутылку водки. Она разные настойки и отвары делает, а потому пользуется мёдом и водкой».

- А зачем к ней? Ворожить что-ли?

- Не ворожить, а привораживать. Она это умеет. И глазом не моргнёшь, как Пашка за тобой бегать будет как собачёнка.

- Ой, не знаю, а что я людям-то скажу? В летнюю пору пошла куда-то, ведь не близко.

- Не бойся, причину найду. У меня вон, телёнок кашляет, заодно и принесёшь ему какой-нибудь отвар, не убудет с неё. Сметаны ей за это пошлю. А на Пашку приворот сделает. Всё и наладится. Сама увидишь.

- Неужто правда?

- Так и сделаем. Иди завтра на Чёрную.

Лия сходила в сельмаг, купила пол-литра и спрятала в надёжном месте. На другой день, она сказала мужу, что Маня посылает её на Чёрную из-за телёнка, собрала кузовок и отправилась к бабе Опроше. Просить у бригадира лошадь она не стала и пошла пешком, через Новую пашню, Ромахин сенокос и старую вырубку у которой еще не было закрепившегося названия. Шла больше тропинками, так скорее и от людских глаз подальше. Дело-то скрытное.

Опросинья встретила её приветливо. Поставила самовар и за чаем хозяйка и гостя неторопливо беседовали.

- Теленок у Маньки кашляет потому, что она ему комбикорму много даёт. Он ведь не корова ещё. Скажи, чтобы пока не кормила химией этой. А для верности отдай ей вот это, - и Опросинья протянула Лие свёрточек из газетного листа:

- Пусть по щепетке кладет в ведро с водой и даёт теленку, когда поить будет.

Помолчала немного и добавила:

- Только ты, девка, вижу я, не за этим пришла. Говори, как есть. С мужем не лады? Плохо живете? Видела я его у тебя. Статный, но в глазах блеска нет. Не уж-то обижает? Не похоже.

- Нет, не скажу, что обижает, но и не горит ведь от меня. Третий год живем, а детей нет. Да и тяготит его что-то. А чего - не пойму.

- И чего хочешь?

- Помоги, Опросинья, Христа ради. Сделай так, чтобы он ко мне тянулся. Приворожи. Век не забуду. А то ведь уедет, не дай бог.

- Не простое это дело. Да и грех это, присушить к себе мужика, пусть и своего. Не отмолить будет ни тебе, ни мне. Я ведь еще на свадьбе заметила, что он сам по себе. Но и тебя жалко. Ладно, делать нечего, давай приступим. Ты вот что, возьми ножницы, иди в мою баню и настриги со срамного места немного волос. На вот газету, завернешь после.

Когда смущенная Лия вернулась из бани, Опросинья велела ей мелко настричь принесенные волосы, ушла с ними за перегородку и долго шептала над ними заклинания. Затем открыла бутылку водки, высыпала туда мелко нарезанные волосики и стала взбалтывать, продолжая шептать заклинания.

- Придешь домой, процеди через марлю, и пусть твой муж водку выпьет. Можно сразу, можно по полстакана в день. Это как сама решишь. Иди с богом.

Обратный путь до своей деревни Лия прошла гораздо быстрее. Её всю буквально будоражило предвкушение, как скоро подействует ворожба Опросиньи.

Придя в деревню, она первым делом пошла к Мане. В доме никого не было, а Маня полола грядки в огороде. Вместе они зашли в избу и Лия стала живо рассказывать, что и как говорила и делала Опрошка.

- Слушай, подозрительно будет, если ты сама Павлику водку предложишь. Лучше сейчас процедим зелье это и поставим бутылку за иконами, а Пашка вечером к нам придет, они с Толей договаривались на точиле топоры выправить, я ему и налью водки с наговором.

- Ладно. Только ты какая-то невеселая, Маня?

- Да вспомнила я историю одну с ворожкой этой. Аграпина Митькина из Заюжья не захотела оставаться старой девой, когда всех парней на фронт забрали, и сходила к одному старику в деревне Горки. Говорят, он настоящим колдуном был. Вся округа его боялась. Вот он и приворожил к Аграпине Мишку Белого. Всё бы ладно, да женатый тот был. Ушел к Аграпине от жены и двоих детей. Так замучился весь. Жил у Аграпины, а сам через день к детям ходил, жена не пускала, если дома была и Агропина ругала его за это. Одним словом разрывался мужик на части, так долго и не прожил. Умер бедный через несколько лет.

- Так то женатый и чужой, а тут мой, законный. Пусть любит. Я вся извелась уже. И потом я другую историю про этого колдуна знаю, с хорошим концом. Помнишь Надьку Сидоркину? Она ходила с Васькой Рыбаком. А родители Васьки заставляли его жениться на другой девке, из Нигина. Когда Надька узнала, что сватовство назначено к другой, сходила к колдуну этому и ведь помогло. Когда свататься всё-таки поехали в Нигино, на пол-пути Васька развернул лошадь и сказал: - «Надьку жалко. Не поедем в Нигино, на Надьке хочу жениться» И приехали к Надьке и сосватали её. И сколько лет уже живут, душа в душу. Так что не отговаривай.

- Ладно, ладно, раз решили, чего уж тут теперь.

И женщины вышли из избы, так и не заметив, что во время их разговора на печи, сверху закрытой занавеской лежал и слушал их разговор Анатолий – муж Мани.

Он слез с печи, завернул самокрутку и прикурил.

- Ну, дела, - проговорил вслух и добавил:

- Дуры все бабы и моя тоже.

Через час к дому подошёл Юра. Маня ушла с детьми на речку полоскать бельё, а Толя возился с точилом во дворе. Точило представляло из себя

массивный ровный круг из цельного камня с дыркой посередине через которую был просунут деревянный штырь с ручками на концах. Точило устанавливалось на специальную деревянную раму (станок) и кто-то из помощников хозяина, (чаще всего дети) крутили за ручки точило, а сам хозяин прикладывал к крутящемуся точилу топор и таким образом точил его. Точило передавалось из поколения в поколение.

- Дядя Толя, здорово живёшь!

- Здорово, Юра. Проходи в дом. Я сейчас.

- Пройти, конечно, можно. Да больно я сегодня расстроился. Ездил в райцентр, в военкомате надо было отметку в военном билете поставить. Так военком битый час меня стыдил, что я собираюсь уехать из деревни. Говорит, вот не подпишу, и будешь в колхозе работать. Партия так велит. А я что, дезертир какой что-ли? Я на Север еду, там служил и знаю, что жизнь там не сахар, а погода и того хлеще. Не на юга отдыхать еду, а в Заполярье, работать. Одним словом, может у тебя, дядя Толя, выпить что есть? Душу хоть разрядить.

Когда они зашли в избу Анатолий хитро улыбаясь ответил:

- Самогон-то выпили весь за твой приезд. Больше не делали. Но есть бабское зелье, с наговором. Это что бы Пашка к Лийке присох.

И он рассказал отставному сержанту историю с ворожкой у бабы Опросиньи.

- Да хрен с ним с наговором. Выпьем, а там что-нибудь придумаем.

И за разговором о службе в Заполярье (Анатолий в своё время служил на Северном флоте) они распили приготовленную для Паши бутылку. А чуть погода и сам Павел пришёл.

- Толя, будем топоры-то точить?

- Да подожди ты с топорами, надо тебе роль сыграть.

- Какую ещё роль?

И тогда Анатолий снова рассказал историю о ворожке и что водка которую они с Юркой выпили, предназначалась ему, Павлику.

Втроем они от души, весело посмеялись и решили одурачить неразумных баб. Юрку послали в сельмаг за бутылкой, Павел лёг на лавку, а Толя пошёл встречать Маню на берег реки. Когда они возвращались с речки, Анатолий сказал жене:

- Слушай, я хотел достать записку, три рубля оставлял в щели за иконой и невзначай обнаружил бутылку водки распечатанную. Так мы её с Павликом выпили. Я только рюмку, а он с устатку всю опорожнил. Не знаю даже, какой он сейчас помощник, а ведь хотели топоры точить.

- Ну, так и ладно – обрадовано отвечала Маня, – Брат мой, не жалко для него.

Зайдя в дом они увидели, что Павел лежит на лавке, какой-то весь взбудораженный и взволнованный.

- Маня, мне надо тебе что-то сказать.

- Что ты Павлик? Ладно ли всё с тобой?

- Не знаю. Чувствую только, что Лию сильно люблю, прямо очень, очень. Ты не сердись, я тут бутылку водки выпил. Толя нашёл её. Я уже Юрку в магазин послал. Мы тебе вернем.

- Да что ты, не надо. Вы с устатку, не грех и выпить.

- Маня, а ты за Лийкой сходи. Хочу, что бы она рядом сидела.

Не долго думая, Маня пошла к Лие, которая работала на зерноскладе, отвела её в сторонку и стала быстро рассказывать:

- Подействовал приворот. Павлик тебя зовёт. Выпил он водку и говорит, что любит тебя. Меня за тобой послал.

- Ой, мамочки, так ещё не закончили мы. Тогда подмени меня, а я пойду умоюсь и - к нему.

Лия быстро сходила домой, переделалась и направилась к дому Мани, где мужчины сидели за столом и закусывали. Встретили они Лию радостно:

- Ты знаешь, Лия, - начал Юра, - Пашка всё время, пока мы сидим говорит, что любит тебя. Мы тебя все любим. Он как жену, а мы как родню, самую близкую. Садись рядом с мужем.

Лия взволнованно и не много с испугом смотрела на Павла:

- Ты чего домой-то не идёшь?

- Знаешь, Лия, накатило что-то прямо в сердце. Сижу и рассказываю мужикам, какая ты у меня самая, самая. Всего меня распирает. Даже хмель не берёт, а ведь вторую бутылку пью. Первую-то, из-за образов которая, почти один выпил.

- Правда, дядя Толя? – Лия спросила Анатолия.

- Да, я сначала не хотел, а теперь вот за вашу любовь и выпить не грех.

- Понимаешь, Лия, у нас ни денег больше нет, ни водки, - вмешался Юрий, - Вот, если ты как любящая сноха и жена налила бы нам чего-нибудь, было бы совсем хорошо. А то ведь я уеду скоро. Когда ещё с братом посижу.

- Так не праздник ведь. Люди осудят. Да, дядя Толя?

- Осудить, кто осудит? Не больно сенокос.

- Тогда пойдёмте к нам. Есть у меня немного самогона.

Обрадованные мужики вместе со смущенной Лией направились на другой конец деревни, к большому пятистенку, который много чего видел на своём веку. Эта история могла бы этим и закончиться, если бы не признак русской природы, присущий некоторым, не только деревенским мужикам – похмелье. На другой день, утром, Юра пришел в дом к сестре и попросил Маню:

- Дай, какого-нибудь рассола. Голова раскалывается. Видно приворотная водка ещё хуже действует.

- Какая водка? – спросила изумленная Маня.

- Ой, да Толя на печи был, когда вы с Лийкой договаривались, как Пашку привораживать будете. Водку-то приворотную мы с Толей выпили, а потом разыграли вас.

- Ироды вы, нехристи, - только и сказала брату Маня.

В то же день она рассказала Лие о том, как их одурачили мужики.

Может, всё и забылось бы потихоньку, но об этом случае узнали в деревне и стали откровенно смеяться за спиной Лии. Та несколько дней плакала, жаловалась Мане на её родню, а однажды решила умереть. Она перемыла всё в доме, убралась, оделась во всё чистое, взяла верёвку и пошла в сени. Встала на табурет, за крюк, на который когда-то, в летнее время, вешали детскую люльку, закрепила веревку и сделала петлю. Слёзы катились из её глаз, когда она просовывала в петлю свою голову. Вдруг она услышала громкие крики и плач детей. Даже в таком состоянии она поняла, что кричат и плачут Манины дети. Она стащила с шеи петлю и выбежала из дома. У самого берега реки стояли и плакали трое ребятишек, а перед ними стояла с угрожающим видом огромная черная собака. Она не лаяла, но один вид её был ужасен. Шерсть её на загривке стояла дыбом, а зубы были оскалены. Лия схватила деревянные вилы и бросилась на зверюгу. Та стремглав скрылась.

- Откуда она взялась? У нас в деревне сроду такой не было.

Она обнимала всё ещё плачущих детей и успокаивала их. Прибежала Маня, кто-то сказал ей, что её дети одни на реке. А затем пришёл с работы, на обед, Павел. Долго обсуждали произошедшее. Потом Маня с детьми пошла к себе домой, а Лия, забывшая от таких приключений о своих намерениях, пошла в дом с Пашей. Они поднялись в сени и оба увидели свисавшую с крюка петлю. Побледневший Павел перевёл взгляд на жену и выдавил:

- Ты хотела...? Да ты что?

Лия даже не плакала.

- Что мне остаётся? Ты меня не любишь, Люди смеются надо мной после того как вы меня своими шутками опозорили.

Павел подошёл к жене, обнял её:

- Зачем же так? Уладится всё. Я от тебя не уйду. Давай уедем вместе.

...Прошло несколько лет. В летний день около родного пятистенка было шумно и многолюдно. В родную деревню, в отпуск, приехали Павел с Лией и двумя сыновьями, Юра с молодой женой и Нила, только что закончившая медицинское училище. По такому поводу Анатолий с Маней встречали дорогих гостей не у себя в доме, а в просторном пятистенке. Звуки тальянки и смех разносились вдоль реки. А через неё по лаве, в это время проходила Опрощка Затворница. Она посмотрела на счастливых, улыбающихся людей, среди которых узнала Лию, что-то про себя проговорила и пошла себе дальше, не обращая внимания, как, увидя её, деревенские бабы говорили между собой:

- Ведь приворожила всё-таки. А мы смеялись. Значит сильный у неё приворот.

